Игорь Кометчиков

«Заветы» социализма: трансформация религиозного праздника на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х — начале 1960-х гг.

Igor Kometchikov

The Vows of Socialism: A Transformation of Religious Holidays in Rural Nechernozemye in the Mid-1940s — Early 1960s

Igor Kometchikov — Associate Professor, Kaluga State University (Russia). kometchikov.igor@mail.ru

Celebrating religious holidays was in the core of religiosity of rural Central Russia. Before the Revolution, the holidays contained a tension between the strict following of church calendar and the specific local sacral rhythm and collective memory. The paper explores the changes in the Soviet times, in particular in the postwar period until the early 1960s, when the tradition underwent a deep transformation. The paper draws upon the documents of the state Council of the Russian Orthodox Church, Party and local institutions, Komsomol, as well as the ethnographic data. By arbitrarily moving the borders of legality in the religious field, the authorities modified the tradition: the holidays were accepted within fewer registered churches while restricting other practices. This led to the interruption of the local memory of sacred places, and thus the former organic link between liturgical and mundane practices was broken. The Festive date was recast as a secular pastime. The crisis of the tradition of holidays was completely secularized and transformed the entire peasant culture.

Keywords: the rural Central Nechernozemye, religious holidays, religiosity, Russian Orthodox Church, spiritual culture of peasants, Soviet antireligious policy, secularization of leisure.

Традиция религиозных праздников — одна из ключевых составляющих духовной культуры российской деревни. В советской литературе она рассматривалась как угасающая

Кометчиков И. «Заветы» социализма: трансформация религиозного праздника на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х — начале 1960-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 238–261.

Kometchikov, I. (2015) «The Vows of Socialism: A Transformation of Religious Holidays in Rural Nechernozemye in mid-1940s — early 1960s», *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 33 (2): 238–261.

вследствие тотального «кризиса религии» и закономерного успеха секуляризации общественной жизни при социализме в ходе «устранения социальных корней религиозности»[1]. «Остаточная» религиозность объяснялась действием «неблагоприятно складывавшихся обстоятельств общественной и личной жизни»[2].

Современные исследователи также анализируют религиозную праздничную культуру деревни преимущественно с точки зрения борьбы государства за умы и души ее жителей, как проявление протеста крестьянства против разрушения базовых устоев жизненного уклада[3]. Подчеркивается длительное сохранение значительного уровня религиозности[4]. Анализ государственно-конфессиональных отношений и социально-экономических сдвигов в жизни общества позволяет говорить как о всплеске религиоз-

1. Рязанское село Кораблино (история, экономика, быт, культура, люди села)/Рук. авт. колл. проф. В. И. Селиванов. Ученые записки Ряз. гос. пед. инст. Т. XVIII. 1957. Рязань: Касимовск. тип. Рязаньполиграфиздата, 1957. С. 202, 209; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М., Наука, 1964. С. 310–311, 316–318; Опыт историко-социологического изучения села Молдино/Под ред. В. Г. Карцова. М.: Московский рабочий, 1968. С. 341–342, 348; Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М.: Изд. АН СССР, 1958. С. 247–248; *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии и ее социально-экономические результаты. Саратов: Изд. Саратов. унив., 1967. С. 279–290; История советского крестьянства. В 5 т. Т. 4. Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества 1945 — конец 1950-х гг./Отв. ред И. М. Волков. М.: Наука, 1988. С. 200, 347.

2. *Гордиенко Н. С.* Основы научного атеизма. М.: Просвещение, 1988. С. 125–137; *Угринович Д. М.* Введение в религиоведение. Изд. 2-е, доп. М.: Мысль, 1985. С. 192–203; *Гордиенко Н. С., Курочкин П. К.* Основные особенности эволюции религии и церкви в условиях социалистического общества // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия, церковь и история СССР/Отв. ред. П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1980. С. 235–238.

3. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81, 94–95; *Безнин М. А., Димони Т. М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции/Отв. ред. В. П. Данилов, Л. В. Милов. М.: РОССПЭН, 1996. С. 160, 163; *Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х — 70-е годы XX века). Рязань: Ряз. гос. универс. им. С. А. Есенина, 2007; *Гераськин Ю. В.* К вопросу о поддержке Русской Православной Церкви населением в период «хрущевских гонений» (по материалам Рязанской области) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 95–102.

4. *Перелыгин А. И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). Орел, 2008. С. 201–204; *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 1940-х — начало 1960-х гг./Отв. ред. И. Е. Зеленин. М.: Наука, 1992. С. 193–195, 199, 201.

ности в 1950-е гг.[5], формировании ее нового облика с доминированием горожан в качестве ее носителей[6], так и об «одичании» церковной жизни вне ограды легальной церкви, формировании альтернативной «катакомбной» церковной субкультуры[7]. *Такой* подход, вполне обоснованный с учетом амбиций государства по контролю духовной жизни общества, часто исходящий из того, что в конфликте с властью церковь и верующие находились на одной стороне, может быть дополнен более пристальным изучением мотивации населения, участвовавшего в воспроизводстве религиозной праздничной традиции[8]. В ней, как и в отношении людей к местным святыням — важному компоненту народной религиозности, — проявилось, как представляется, определенное «разделение» мнения народа и мнения духовенства[9].

Изменение традиции религиозного праздника также можно считать гранью сквозной для многовековой истории российского общества проблемы соотношения повседневной религиозности и декларативной официальной религии. Применительно к советской эпохе ее ключевыми моментами являются причины и динамика изменения этого соотношения, роли в этом процессе власти и церкви, деформации как повседневной религиозности, так и церковного канона под прессом атеистического государства[10].

5. *Марченко А., прот.* Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М.: Изд. Крутицк. монастыря, Общество любителей церковной истории, 2010. С. 55–56.

6. *Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть. С. 200.

7. *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет РПЦ, «Арефа», 2008. С. 202–203, 227, 245–247, 252.

8. Этот вопрос тесно связан с проблемой формирования и бытования идентичности православных в послевоенном обществе, выработке ими стратегий выживания в атеистическом государстве. См.: *Шлихта Н.* «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е — начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 82–107. Stone, A. B. (2008) «'Overcoming Peasant Backwardness': The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union», *Russian Review 67 (2): 296–320. И др.*

9. *Чистяков П. Г.* Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940-е — 1950-е гг. // Религиоведение. 2006. № 1. С. 38, 47. *Чистяков П. Г.* Отражение почитания местных святынь в архивах Русской Церкви (по материалам Центрального исторического архива Москвы) // Архивы Русской Православной Церкви. Труды Историко-архивного института. Т. 36/Гл. ред. редколл. А. Б. Безбородов. М.: РГГУ, 2005. С. 283.

10. Религиозные практики в современной России: Сборник статей/Под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. М.: Новое издательство, 2006. См. статьи П. Г. Чистякова, Н. А. Беляковой, П. В. Понарина, К. Т. Сергазиной, А. Л. Глушаева в № 7 (23) электронного научно-образовательного журнала «История» за 2013 год, посвященном

Рассмотрение того, как религия «встроена в ткань общественных связей на повседневном, практическом уровне», справедливо называется важнейшей задачей исследований религий и религиозности в России[11].

Изменению традиции религиозного праздника, существовавшей между «живой» и «официальной» религией, и посвящена настоящая статья, цель которой — выяснить механизм изменения этой традиции в пространстве взаимоотношений власти и деревни Центрального Нечерноземья середины 1940-х — начала 1960-х гг.[12]

Религиозная праздничная культура и политика ограничения религиозности

Традиционно в российской деревне праздновались общецерковные (Рождество, Крещение, Пасха и т. д.) и сельские праздники: «обетные» («заветные»), устанавливавшиеся для прекращения стихийного бедствия или в память об этом, и «престольные» — в честь святого или особо чтимой иконы, которым был посвящен престол объединявшего общину храма[13]. При этом церковный календарь соблюдался не механически, а адаптированно к местным интересам[14]. Эта черта праздничной культуры деревни не исчезла и в послевоенные годы, своеобразно преломившись под влиянием антирелигиозной политики государства.

обыденной религиозности, а также материалы № 3–4 (30) журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» за 2012 год; также: *State Secularism and Lived Religion in Soviet Russia and Ukraine* (2012) Ed. by Catherine Wanner. N.Y.: Oxford University Press; Rock, S. (2007) *Popular Religion in Russia: Double Belief and the Making of an Academic Myth*. London and N.Y.: Routledge.

11. *Агаджанян А., Русселе К.* Как и зачем изучать современные религиозные практики // Религиозные практики в современной России. С. 8.

12. Состав областей Центрального Нечерноземья РСФСР приводится согласно постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 19 сентября 1963 г. «Об уточнении состава экономических районов СССР» (Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская области). См.: Справочник партийного работника/Редкол. В. Н. Малин и др. Вып. 5. М.: Госполитиздат, 1964. С. 161, 162.

13. *Тульцева Л. А.* Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков/Отв. ред. Т. А. Листова. М.: Наука, 2001. С. 125, 133; *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. СПб.: Дм. Буланин, 2010. С. 222, 233.

14. *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 221.

Несмотря на провозглашенный «поворот» к церкви и потребностям верующих в начале 1940-х гг., государство не отказалось от ограничения деятельности РПЦ и сворачивания религиозности. Посредством произвольного переноса границы легальности в сфере вероисповедания[15] оно давило на церковную иерархию, вело борьбу с поставленными вне закона формами церковной жизни и религиозности, переформатируя таким образом религиозную традицию, в том числе — и религиозного праздника. Так, если до 1949 года допускалось проведение праздничных обрядов вне храма, то массовое участие верующих в обряде крещенского водосвятия в Саратове зимой 1949 года стало поводом для его запрещения вне ограды церкви[16]. Государство как бы вспомнило о запрете богослужений вне храма в конце 1920-х гг.[17] Праздничной обрядности вновь предписывалось ограничиваться литургией в храме и его ограде, а также празднованием в семейном кругу, если это не нарушало графика общественных работ.

Возможность участвовать в праздничном богослужении существенно ограничивалась сдерживанием открытия храмов. Учреждением тернистой бюрократической процедуры их регистрации активизировавшееся за годы войны религиозное чувство верующих было втиснуто в прокрустово ложе петиционного движения. При этом удовлетворялось незначительное количество ходатайств. Только одним уполномоченным Совета по делам РПЦ по Рязанской области за 1944–1947 гг. было принято 10 754 посетителя, немалая часть которых ходатайствовала об открытии церквей. В 1948 году от верующих области поступило 790 письменных просьб, в 1949 году — 389 заявлений и 444 ходока, в 1950 году — 148 заявлений и 288 ходоков. По числу прошений об открытии храмов область с 1944 и до начала 1950-х годов прочно занимала первое место в РСФСР. Из 3817 заявлений, поданных ее верующими с 1944 по 1950 г. об открытии 390 церквей, служба была разрешена лишь в 67. В Калужской области по поступившим в 1944–1953 гг. 207 ходатайствам было откры-

15. *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 31–39; Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2003. С. 666–668.

16. *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. С. 118, 136.

17. *Чистяков П. Г.* Почитание местных святынь. С. 38.

то 36 храмов[18]. К 1948 году открытие храмов прекратилось. Число зарегистрированных церквей оказалось многократно меньше количества поданных заявлений, став «законным» ограничителем религиозной праздничной культуры и связанных с ней проявлений религиозности. Если в 1914 году количество только приходских церквей в областях Центрального Нечерноземья составляло 10 243, то в 1948 году легально действовали 1006 храмов, в 1953 году — 957, в 1960 году — 815, причем закрывались сплошь сельские[19].

Вполне понятно, что они не могли вместить всех желающих посетить богослужения в дни общецерковных праздников. Сопоставление количества участников наиболее многолюдных пасхальных богослужений с численностью сельского населения показывает, что большинство сельских жителей объективно не могли попасть в храм в эти дни. Так, в пасхальной службе 1948 года в 26 храмах Орловской области участвовало около 58 тыс. чел. (численность всего сельского населения составляла на начало 1949 года 1060,4 тыс. чел.); аналогичные данные по Рязанской области — 85 храмов, 140 тыс. чел. (1454,1 тыс. чел.)[20]. Однако представители власти воспринимали многотысячные очереди у храмов как свидетельства высокой религиозности населения[21]. По подсчетам уполномоченных Совета по делам РПЦ, количество посещавших пасхальные богослужения в храмах Калуги, Тулы, Рязани, Смоленска, Ярославля, Брянска и других областных центров в конце 1940-х — начале 1960-х гг. колебалось в пределах 5–20 тыс. чел.[22] В храмах райцентров бывало от 500

18. Подсчитано: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 346. Л. 15; Д. 781. Л. 11, 25, 26, 35, 49; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 28; ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 594. Л. 26, 30, 31; ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 34. Л. 4-4об.

19. Подсчитано: *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 172; Смоленская епархия // Сайт Смоленской епархии РПЦ МП [http://drevo-info.ru/articles/9619.html, доступ от 11.11.2014); Орловская и Севская епархия // Сайт Брянской епархии РПЦ МП [http://www.bryansk-eparhia.ru/eparhialnoe-upravlenie/istoriya-eparhii/sevskaya-eparhiya/orlovskaya-i-sevskaya-eparhiya, доступ от 11.11.2014]; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а-25;; Д. 313. Л. 74, 77, 90, 93, 97, 110, 129, 151, 168, 177, 190, 211.

20. Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 657. Л. 31, 88; Ф. 6991. Оп. 1. Д. 342. Л. 29; Д. 504. Л. 57; Оп. 2. Д. 180. Л. 22а-25.

21. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 650. Л. 15; Д. 1027. Л. 59; Д. 1256. Л. 28; ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 14. Д. 36. Л. 20; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 387. Л. 221, 222.

22. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Ед. хр. 317. Л. 38; Д. 342. Л. 29; Д. 349. Л. 31; Д. 504. Л. 5; Д. 784. Л. 34; Д. 911. Л. 14; Д. 1023. Л. 19; Д. 1043. Л. 3; Д. 1270. Л. 34; Д. 1781. Л. 17; Д. 1877. Л. 19; ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 29. Л. 26; ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 466. Л. 29;

до 6 тыс. верующих, в сельских церквах — до 3 тыс. Уполномоченный по Рязанской области, информируя Совет о праздновании Пасхи в 1953 году в Рязани, отмечал:

> В переполненное здание церкви беспорядочно лезли толпы верующих и неверующих, вследствие чего трех женщин вывели из собора в обморочном состоянии, а одного мальчика вынесли на руках, так как пройти было невозможно. Не вмещаясь в церковное здание, верующие в количестве не менее 2 тысяч человек стояли у дверей собора. Группа женщин, потеряв надежду попасть в здание церкви, организовала на открытом воздухе в толпе народа пение «Христос Воскресе»[23].

Менее многолюдными, но столь же посещаемыми были богослужения в дни других общецерковных праздников, причем особенно стойкой была традиция посещать храмы и кладбища на Радоницу — в день поминовения усопших[24].

Если общецерковный праздник, сосредоточием которого стал зарегистрированный храм, допускался, то традиция сельских праздников оказалась гораздо более уязвима. Именно она исконно выражала причастность религиозных практик одной или нескольких деревень к жизни всей церкви[25] и стремление к сохранению их населением своего понимания религиозного праздничного ритма и коллективной памяти о священных событиях своей «малой» истории[26]. Располагаясь зачастую в пограничных, «серых» зонах каноничности, составлявшие эту «малую» традицию религиозные практики в первую очередь теряли легитимность вследствие давления власти.

Центрами сельских праздников могли быть как приходской храм, так и местные священные места. Однако неравномерное распределение действующих церквей по территории областей и районов (так, в 1948 году в Брянской области насчитывалось 88 действующих храмов, в Ярославской — 149, в Московской — 211,

Д. 594. Л. 76; ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 14. Д. 36. Л. 21; Оп. 16. Д. 76. Л. 14; Советская жизнь. С. 662–663.

23. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1043. Л. 3.

24. Там же. Д. 1154. Л. 24; Д. 1781. Л. 17–18.

25. *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 233, 236, 247.

26. *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., Алетейя, 1998. С. 240–242.

а в Калужской — 37, Тульской — 38, Смоленской — 60[27]) и сокращение их количества географически удаляли верующих от места совершения обрядов и пробивали бреши в коллективной памяти. На протяжении 1950-х гг. в областях Центрального Нечерноземья один официально действующий храм приходился в среднем на много десятков, а иногда и несколько сотен сел и деревень. Разреженность церковной сети росла (таблица).

Таблица

Количество сельских населенных пунктов в среднем на один храм РПЦ (включая городские церкви)[28]

Области	1951 г.	1960 г.
Брянская	46,2	62,2
Владимирская	41,8	49,0
Великолукская	403,5	-
Ивановская	97,6	98,1
Калининская	135,8	149,2
Калужская	112,6	115,5
Костромская	88,3	101,9
Московская	35,9	29,1
Орловская	204,8	215,1
Рязанская	52,4	56,9
Смоленская	136,2	160,0
Тульская	111,3	140,6
Ярославская	59,6	61,4

Кроме того, к середине 1940-х гг. было разрушено и находилось вне закона абсолютное большинство из 4,6 тыс. часовен, насчитывавшихся в областях Центрального Нечерноземья в 1914 году, каждая из которых некогда являлась исходным пунктом сельского религиозного праздника. Совет по делам РПЦ в 1949, 1954–1955 и начале 1960-х гг. пытался установить количество часовен и других нелегальных местных святынь, однако сделать это без поддержки местной власти было затруднитель-

27. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22а-25.

28. Подсчитано: ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 3052. Л. 117 об., 126 об., 153 об., 177 об., 185 об., 222 об., 277 об.; Ф. 6991. Оп. 2. Д. 263. Л. 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13.

но[29]. В 1914 году в Тверской губернии насчитывалась 1031 часовня[30], а проверка 45 из 47 районов области в 1955 году выявила, что «в 14 районах области в 34 пунктах группы верующих по 10–15 человек раза три-четыре в год в чтимый ими праздник собираются для молитвы без духовенства в недействующих часовнях, в домах у определенных лиц, у “святых источников”»[31]. В Калужской губернии в 1914 году насчитывалось 147 часовен[32], а в 1949 году, когда уполномоченный Совета по делам РПЦ опросил руководство районов о наличии незарегистрированных религиозных групп и духовенства, большинство сообщило об их отсутствии. В декабре 1954 года нелегальные богослужения, напротив, были отмечены в четырех районах, а на 1 января 1962 года обнаружились 3 «незарегистрированных молитвенных дома»[33]. Время от времени богослужения в редких уцелевших часовнях или там, где они когда-то были, фиксировались и в других областях[34]. Распад былой приходской сети и традиционной системы расселения, таким образом, неизбежно ударял и по традиции сельского праздника.

Трансформация традиции сельского религиозного праздника

Редким примером длительного существования традиции сельского религиозного праздника, сохранявшей многие «исходные» элементы, можно считать празднование престолов в Клинцовском, Новозыбковском, Красногорском и Вороновском районах Брянской области, основанных на культе приобретавшихся в складчину «икон-свеч». По наблюдениям уполномоченного Совета по делам РПЦ в Брянской области, до революции празднование «сопровождалось большим стечением народа, крестными ходами по селам, дорога, где предполагалось шествие крестного хода, покрывалась особыми коврами и т. д. Сейчас, конечно, этого нет, но обычай празднования иконы-свечи еще

29. *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 172; ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 81. Л. 25, 26, 28, 29, 30, 35, 47; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1244. Л. 42–43.

30. *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 172.

31. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1351. Л. 14.

32. *Шевцова В. Ф.* Православие в России накануне 1917 г. С. 172.

33. ГАКО. Ф. 3501. Оп. 1. Д. 29. Л. 21, 22; Д. 88. Л. 25, 26, 28, 29, 30, 35, 47; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 288. Л. 42.

34. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 227. Д. 639. Л. 72; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1663. Л. 10, 41; Д. 1672. Л. 40, 41, 42, 45; Д. 1689. Л. 17, 21.

крепкий...»[35]. В течение года «икона-свеча» хранилась в доме одного из верующих. Накануне праздника, которому она была посвящена, священник при участии хора певчих и односельчан проводил перед ней богослужение, завершавшееся устроенной «всем миром» трапезой. После этого «свечу» торжественно переносили в другой дом, хозяин которого пожелал хранить ее до следующего праздника, вновь служили молебен и устраивали обильное «общественное угощение». По словам уполномоченного Совета, «служба идет 20–25 минут, а обед продолжается 3 часа»[36]. В ряде случаев «свечи» весь год хранились в ближайшей церкви и доставлялись в село лишь накануне престола. На их чествование собиралось до тысячи человек. Несмотря на запрет зарегистрированным священникам этих благочиний со стороны епархии совершать такие богослужения, многие годы все они делали это за вознаграждение и право участвовать в застолье. Интенсивность исполнения обряда была настолько высока, что у части «свеч» молебны служили «самосвяты» (самозваные священнослужители, часто — миряне без священнического сана). Благочинный Клинцовского округа, стремясь отслужить максимально возможное количество молебнов, 1 октября 1951 года за шесть часов объехал на автомашине три села. На следующий день у тех же икон служил другой священник, перемещавшийся на той же машине[37]. В некоторых селах из дома в дом передавали сразу несколько «свеч»: в селе Барсуки Красногорского района отмечали четыре праздника, в церкви с. Яловки — семь, в селе Тулоковщина Клинцовского района — два[38].

Часть клира дистанцировалась от участия в праздниках, указывая на «неблаговидность» их мирской части. Благочинный Новозыбковского округа сообщал в своем «докладе» уполномоченному Совета по делам РПЦ:

> Во всех приходах, кроме моего прихода г. Новозыбкова, были свечи, главным образом, по престольным праздникам, которые и отправлялись своими причтами. Я на эти свечи смотрю отрицательно и стараюсь их не поддерживать, потому что это обычай давний,

35. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 887. Л. 52.

36. Там же. Д. 759. Л. 117.

37. Там же. Д. 759. Л. 107, 127; Д. 887. Л. 52, 70; Д. 1023. Л. 86, 88, 104.

38. Там же. Д. 759. Л. 88, 93.

неудовлетворительный с церковной точки зрения, всегда сопровождается большой пьянкой[39].

В 1960 году, после «специальной беседы» уполномоченного Совета по делам РПЦ в Брянской области С. Мелеши с главой Орловско-Брянской епархии епископом Иеронимом, духовенству было направлено распоряжение епископа о прекращении участия духовенства в богослужениях у «икон-свеч» под угрозой перевода за штат, поскольку они «не предусмотрены уставом и обычаем Русской Православной Церкви»[40].

С устранением литургической части престольного праздника, состоявшей из богослужения в храме, крестного хода по деревне, молебна и праздничного колокольного звона, стиралась коллективная память о сельском святилище. Постепенное забвение престольного праздника после закрытия церкви подтверждается и воспоминаниями современников[41]. Деревне оставалась его мирская составляющая: праздничное застолье, гулянье и обычай «гостевания» (чествование в гостях родственников и ответные визиты)[42]. Органическая связь между литургической и мирской частями праздника утрачивалась, в результате чего для большинства его участников он прежде всего означал повод для отдыха и развлечений, что не в последнюю очередь было связано и с отсутствием в советском календаре вплоть до конца 1950-х гг. сельских праздников как свободного от работы времени[43]. Это обстоятельство подчеркивали многие уполномоченные Совета в отчетах по итогам командировок в сельские районы[44].

39. ГАБО. Ф. Р-2289. Оп. 1. Д. 8. Л. 80.

40. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1856. Л. 3.

41. *Севастьянова А. А.* Жизнь в центре рая. Советский райцентр 50-х — 60-х годов XX века. М., Древлехранилище, 2008. С. 108–110.

42. *Тульцева Л. А.* Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина. С. 134, 143, 146–156.

43. С конца 1950-х гг. в Центральном Нечерноземье распространяется цикл местных советских праздников (в масштабе конкретного села, колхоза, совхоза или района), мыслившихся властью как альтернатива религиозной праздничной культуре и обрядности. Подробнее об этом: *Кометчиков И. В.* Советские праздники и обряды на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.: распространение и рецепция населением // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 2 (40). Часть 2. С. 98–108. Празднование общегосударственного праздника — Всесоюзного дня работников сельского хозяйства впервые было установлено указом Президиума Верхового Совета СССР 26 августа 1966 года во второе воскресенье октября.

44. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 181. Л. 50 и об.; Д. 197. Л. 16; Д. 204. Л. 77; Д. 635. Л. 36–37; Д. 765. Л. 101; Д. 889. Л. 61; Д. 1346. Л. 18.

На вопросы о причинах участия в религиозных праздниках при незнании их смысла, отсутствии действующей церкви и в целом индифферентном отношении к религии население давало следующие ответы:

> «Надо же когда-нибудь отдохнуть, работаем без выходных дней, а упущенное в работе постараемся наверстать»[45] (Калининская область); <…> Все работа и работа, и общего выходного дня нет, как в городах, а нам хочется вместе отдохнуть, повеселиться, сходить к родным в гости и пригласить к себе гостей[46]; Установлен, мол, праздник железнодорожников, шахтеров, танкистов и т. д., а вот колхозного праздника не установлено, [что следует исправить и] установить «день колхозника», «праздник урожая», «праздник по завершению сева», «праздник по завершению хозяйственного года»[47] (Тульская область).

Лектору-антирелигиознику агитпоезда, курсировавшего в августе 1954 года по Ярославской области, сообщали:

> В городах вы каждую неделю отдыхаете, празднуете, а мы все лето и воскресенья работаем, поэтому, если наступает праздник, мы и отдыхаем, и гуляем, и с родственниками видимся; Отпраздновав 1 мая и Октябрь в городе у своих сыновей и дочерей, мы зовем их в гости на свои религиозные праздники и они приезжают; В деревне нет культурных развлечений и единственное развлечение, где много молодежи — это церковные службы. Там собираются и парни, и девицы, там можно познакомиться и погулять[48].

Наступление на религиозные праздники в годы хрущевской антирелигиозной кампании

Начавшееся в 1958 году хрущевское наступление на религию и церковь отличалось от обострений государственно-церковных отношений 1948–1949 и 1954 гг. нацеленностью на «окончательное» решение «религиозного вопроса» и широким фронтом натиска, включавшим не только сокращение

45. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 635. Л. 36–37.
46. Там же. Д. 1784. Л. 12.
47. Там же. Д. 1049. Л. 36.
48. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 946. Л. 71 об.

количества храмов, монастырей, духовных семинарий и т. д., но и подрыв экономики церкви, а также попытки ее организационного ослабления посредством «церковной реформы» 1959–1964 гг.[49]

Однако в вопросе ограничения возможностей совершения религиозных обрядов и их замены советскими сельскими праздниками и обрядами высшее партийно-государственное, комсомольское руководство предпочло действовать не одним лишь прямым нажимом, а пыталось применить более гибкий подход. Не в последнюю очередь, как представляется, это было связано с пониманием необходимости преодоления «неправильного» отношения многих представителей местной власти к религиозным праздникам и невозможности моментального создания им альтернативы.

Районный, сельский и колхозный актив, в большинстве прошедший социализацию в рамках традиционной крестьянской культуры и до конца с ней не расставшийся, относился к празднованию населением обмирщенных религиозных праздников двойственно. С одной стороны, значительная часть активистов не только не боролась с прогулами общественных работ в эти дни, считая, что попытки наказать прогульщиков не будут поддержаны и только «восстановят население против органов власти», но и сама участвовала в гуляньях и выпивках[50], а кое-где — и в кулачных боях[51]. С другой — так как наибольшей угрозой в глазах местного начальства, исходившей от религиозных праздников, был не «идеологический ущерб», а невыполнение государственных заданий, председатели колхозов все же пытались ограничить размах празднования, разрешая колхозникам «гулять» только после обеда или разным деревням по очереди[52].

Еще до скоординированных и материально подкрепленных усилий по замещению религиозных праздников и обрядности советскими предпринимались попытки создания им некоторой

49. *Марченко А., прот.* Религиозная политика советского государства. С. 48–68; *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие. С. 180, 198–222; *Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть. С. 119, 122, 197–198.

50. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 204. Л. 43; Д. 508. Л. 28; ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 1. Д. 241. Л. 87; ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 19. Д. 1. Л. 212.

51. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 675. Л. 123; Д. 742. Л. 99; ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 224. Л. 213.

52. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 946. Л. 70 об.

досуговой альтернативы в виде организации киносеансов, лекций, постановок художественной самодеятельности и т. д. Однако почти повсеместная слабость материальной базы «культпросветучреждений» и нацеленность антирелигиозной пропаганды на сплоченные общины верующих не приносили желаемого успеха. В с. Панино Дедиловского района Тульской области дважды не удавалось собрать колхозников на лекцию «Религия и ее реакционная сущность», а в райцентре Дедилове в предпасхальные дни люди не шли в кино, хотя после пасхального воскресенья кинозалы были полны[53]. В с. Гавриловском Спасского района Рязанской области из 638 дворов на работу в праздник Воздвижение Креста Господня вышло 37 колхозниц. По словам председателя колхоза, колхозники, имевшие в избах радио, накануне церковных праздников считали грехом слушать музыку, молодежь села не посещала клуб и кино[54].

«Наступление» же на религию конца 1950-х гг. сопровождалось настойчивыми попытками укрепить материальное положение и усовершенствовать управление учреждениями культуры, физкультуры и спорта, вовлечь в их работу общественные организаций, разработать и распространить советские гражданские обряды и массовые праздники, перестроить работу органов ЗАГС.

В 1958–1960 гг. в стране был объявлен «двухлетний поход комсомола и молодежи за культуру», в ходе которого некоторое укрепление материальной базы и оживление работы учреждений культуры стало основанием активизации формирования цикла массовых советских праздников и гражданских обрядов. Показательное преодоление традиции празднования сельских религиозных праздников было организовано в 1961 году в передовом колхозе «Совет» Шарьинского района Костромской области, население которого «приняло решение» вместо 39 престольных праздников отмечать два колхозных. Опыт считался настолько удачным, что был распространен на всю область и включен в историю региональной парторганизации[55]. Подобные инициативы

53. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1157. Л. 29.

54. Там же. Д. 1151. Л. 34.

55. Очерки истории Костромской организации КПСС / Отв. ред. М. И. Синяжников, зам. отв. ред. Б. Л. Миловидов. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд., 1967. С. 379; *Кометчиков И. В.* Советские праздники и обряды на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.: распространение и рецепция населением. С. 102–105.

являлись частью общей задачи решительного и тотального сворачивания религиозности, оформленной в конце 1950-х — начале 1960-х гг. серией решений ЦК КПСС, Бюро ЦК КПСС по РСФСР, СМ РСФСР и СССР[56].

Однако попытки конструирования и внедрения в культуру деревни новых праздничных обычаев и ритуалов часто «не успевали» функционально заполнить место деформировавшейся традиции религиозного праздника, усугубляя всплески социальных девиаций в жизни деревни 1950-х гг. Почти одновременно с «походом комсомола и молодежи за культуру» стартовала кампания по вовлечению широких слоев деревни в борьбу с пьянством, самогоноварением и хулиганством. В закрытых письмах ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ пьянство расценивалось как «позорный и вредный пережиток помещичье-буржуазного строя», причиной которого в прошлом назывались «гнет помещиков и капиталистов», а в советской действительности — «плохое воспитание» и «подражание заразительным дурным примерам, старым обычаям и привычкам», в том числе — празднование религиозных праздников[57].

Хулиганство молодежи на почве пьянства устойчиво связывалось с «разгульным отдыхом» в дни религиозных праздников[58]. В 200 населенных пунктах Брейтовского района Ярославской области в середине 1950-х гг. праздновалось около 50 религиозных праздников, каждый из которых длился минимум 3 дня. Местная власть считала их причинами роста проявлений хулиганства, пьянства, драк и убийств. Только в 1954 году в эти дни в районе из-за хулиганства и пьянства было убито три человека, многие получили ножевые ранения[59]. На праздник Смоленской иконы Божьей Матери в колхозе им. Тимирязева Любимского района Ярославской области пьяный шофер катал

56. *Жидкова Е.* Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 413; *Лебина Н. Б.* Черно-белая красная свадьба // Теория моды. 2014. № 32 // Теория моды. 2014. № 32; *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь и верующие. С. 197–222; *Марченко А., прот.* Религиозная политика советского государства. С. 57–65.

57. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 949. Л. 2 об.–5 об., 7–10 об.

58. *Димони Т. М.* Духовные традиции крестьянства Европейского Севера России в 1945–1960 гг. (проблемы взаимоотношений с властью) // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / Отв. ред. М. А. Безнин. Вологда, 2000. С. 90–91.

59. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 946. Л. 50.

на грузовой машине пьяных парней и девушек, в результате чего двое из них погибли. В деревне Матренино Даниловского района пьяные трактористы выбили стекла в доме председателя колхоза и разрушили трактором срубы всех колодцев[60]. Тысячи человек привлекались к ответственности за хулиганство и самогоноварение в 1958–1963 гг. в Орловской, Смоленской и Калужской областях[61]. В г. Белеве Тульской области и окрестных деревнях в конце 1950-х — начале 1960-х гг. фиксировался обычай «встречи восхода солнца» в ночь на Петров день. Молодежь не только «всю ночь напролет бродила по улицам и во весь голос пела песни, а иногда просто кричала благим матом, визжала, хохотала, свистела», как писал в редакцию газеты «Известия» раздосадованный этим житель Белева, но и громила сады и огороды[62].

Краткие выводы

В середине 1940-х — начале 1960-х гг. в деревне Центрального Нечерноземья празднование религиозных праздников продолжало оставаться распространенной, но деформированной традицией, в которой отражалось завершение перехода от основанной на религиозной картине мира традиционной культуры крестьянства к секуляризованной культуре. Наиболее эффективными инструментами сворачивания традиции религиозных праздников в исследуемый период, как представляется, стали не столько административный произвол и антирелигиозная пропаганда, сколько перенос властью границы легальности в отношении церкви и массовой религиозности, неуклонное сокращение числа сельских храмов, а также актуальное на фоне индустриализации сельского хозяйства и слома традиционной системы расселения советское обрядотворчество.

Государство влияло на сворачивание традиции религиозного праздника дифференцировано. Если общецерковные праздники включались в «разрешенную» религиозность, ограниченную храмом, то с сельскими, доступными и поэтому особенно близ-

60. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 226. Д. 946. Л. 70 и об.

61. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323. Д. 1401. Л. 1, 2; Д. 2201. Л. 80, 81; ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1078. Л. 21, 98–102; Д. 1256. Л. 179, 180, 181, 182, 185; Д. 1257. Л. 12, 104; ГАДНИКО. Ф. 6878. Оп. 1. Д. 50. Л. 4, 5, 13, 16, 41, 45.

62. ЦНИТО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 1014. Л. 114–115.

кими населению, государство вело борьбу. Запрещая богослужения за пределами храма, закрывая многие из них и прерывая тем самым их основу — коллективную память о священном месте, власть вновь отводила церкви и духовенству уже известную по синодальному периоду роль в преодолении ряда феноменов народной религиозности. В этих условиях епархиальные власти требовали от клира избегать пограничных зон каноничности, в том числе — участия в сельских религиозных праздниках за пределами храма под предлогом несоответствия этой традиции богослужебному канону.

Результаты такого курса были особенно заметны там, где не было зарегистрированных церквей. Без литургической основы и понимания их духовного смысла престольные и «обетные» («заветные») праздники стали восприниматься на селе как «праздное» время коллективного досуга, а нередко — и возможность девиантного «разгула». Государство использовало это и, объявив «заветы» и «престолы» вредными для себя и деревни, приступило с конца 1950-х гг. к их вытеснению циклом советских сельских праздников и гражданских обрядов. Островками, где деформированная традиция сельского религиозного праздника продолжала жить, оставались коллективная память крестьян старших поколений, выдавленные властью за границы легальности немногочисленные молельни и местные святыни.

Библиография/References

Архивные источники

Государственный архив Брянской области (ГАБО).

Ф. Р-2289 (Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР в Брянской области).

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО).

Ф. 55 (Калужский обком КПСС).

Ф. 6878 (Калужский сельский обком КПСС).

Государственный архив Калужской области (ГАКО).

Ф. Р-3501 (Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР в Калужской области).

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО).

Ф. 6 (Смоленский обком КПСС).

Государственный архив Орловской области (ГАОО).

Ф. П-52 (Орловский обком КПСС).

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. А-374 (Центральное статистическое управление при СМ РСФСР).

Ф. А-501 (Министерство культуры РСФСР).

Ф. А-534 (Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при СМ РСФСР).

Ф. 6991 (Совет по делам религий при СМ СССР).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 17 (Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП (б)).

РГАСПИ.

Ф. М-1 (Отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ).

Центр документов новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО).

Ф. 272 (Ярославский обком КПСС).

Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО).

Ф. 188 (Тульский обком ВЛКСМ).

Ф. 177 (Тульский обком КПСС).

Литература

Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука, 1964.

Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008.

Безнин М. А., Димони Т. М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции / Отв. ред. В. П. Данилов, Л. В. Милов. М.: РОССПЭН, 1996. С. 155–166.

Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81–99.

Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 1940-х — начало 1960-х гг. / Отв. ред. И. Е. Зеленин. — М.: Наука, 1992.

Гераськин Ю. В. К вопросу о поддержке Русской Православной Церкви населением в период «хрущевских гонений» (по материалам Рязанской области) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 95–102.

Гераськин Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х — 70-е годы XX века). Рязань: Ряз. гос. унив. им. С. А. Есенина, 2007 [http://www.diss.seluk.ru/monografiya/732 803–1-yuv-geraskin-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-veruyuschie-vlast-konec-30-h-70-e-godi-veka-monografiya-ryazan-2007-bbk-86 372-g37-p. php, доступ от 24.03.2015].

Гордиенко Н. С. Основы научного атеизма. М.: Просвещение, 1988.

Гордиенко Н. С., Курочкин П. К. Основные особенности эволюции религии и церкви в условиях социалистического общества // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия, церковь и история СССР / Отв. ред. П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1980. С. 223–243.

Димони Т. М. Духовные традиции крестьянства Европейского Севера России в 1945–1960 гг. (проблемы взаимоотношений с властью) // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / Отв. ред. М. А. Безнин. Вологда: Легия, 2000. С. 78–94.

Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 408–429.

История советского крестьянства. В 5 т. — Т. 4. Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества 1945 — конец 1950-х гг. / Отв. ред. И. М. Волков. М.: Наука, 1988.

Кометчиков И. В. Советские праздники и обряды на селе Центрального Нечерноземья 1945 — начала 1960-х гг.: распространение и рецепция населением // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота, 2014. № 2 (40). Часть 2. С. 98–108.

Лебина Н. Б. Черно-белая красная свадьба // Теория моды. 2014. № 32 [http://www.nlobooks.ru/node/4990, доступ от 18.11.2014].

Марченко А., прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М.: Изд. Крутицк. монастыря, Общество любителей церковной истории, 2010.

Опыт историко-социологического изучения села Молдино / Под ред. В. Г. Карцова. М.: Московский рабочий, 1968.

Орловская и Севская епархии // Сайт Брянской епархии РПЦ МП [http://www.bryansk-eparhia.ru/eparhialnoe-upravlenie/istoriya-eparhii/sevskaya-eparhiya/orlovskaya-i-sevskaya-eparhiya, доступ от 11.11.2014].

Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии и ее социально-экономические результаты. Саратов: Изд. Саратовск. ун-та, 1967.

Очерки истории Костромской организации КПСС / Отв. ред. М. И. Синяжников, зам. отв. ред. Б. Л. Миловидов. Ярославль: Верхне-Волжск. книж. изд., 1967.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998.

Перелыгин А. И. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). Орел: Изд. типогр. «Труд», 2008.

Религиозные практики в современной России: Сборник статей / Под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. М.: Новое издательство, 2006.

Рязанское село Кораблино (история, экономика, быт, культура, люди села). / Рук. авторск. колл. проф. В. И. Селиванов // Ученые записки Ряз. гос. пед. университета. Т. XVIII, 1957 г. Рязань: Касимовская типогр. Рязаньполиграфиздата, 1957.

Севастьянова А. А. Советский райцентр 50-х–60-х годов XX века. М.: Древлехранилище, 2008.

Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М.: Изд. АН СССР, 1958.

Смоленская епархия // Сайт Смоленской епархии РПЦ МП [http://drevo-info.ru/articles/9619.html, доступ от 11.11.2014).

Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М., РОССПЭН, 2003.

Справочник партийного работника / Редкол. В. Н. Малин и др. Вып. 5. М.: Госполитиздат, 1964.

Тульцева Л. А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. Итоги

этнографических исследований/Отв. ред. Т. А. Листова. М.: Наука, 2001. С. 124–159.

Угринович Д. М. Введение в религиоведение. Изд. 2-е, доп. М.: Мысль, 1985.

Чистяков П. Г. Отражение почитания местных святынь в архивах Русской Церкви (по материалам Центрального исторического архива Москвы) // Архивы Русской Православной Церкви. Труды Историко-архивного института. Т. 36/Гл. ред. редколл. А. Б. Безбородов. М.: РГГУ, 2005. С. 283–287.

Чистяков П. Г. Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940-е — 1950-е гг. // Религиоведение. 2006. № 1. С. 38–49.

Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999.

Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб.: Дм. Буланин, 2010.

Шлихта Н. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е — начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 82–107.

Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 7 (23) [http://history.jes.su/issue. 2013.4.12.7–23, доступ от 24.03.2015].

Archival materials

Gosudarstvennyi arkhiv Brianskoi oblasti [Bryansk Region State Archive] (GABO).

F. R-2289 (Upolnomochennyi Soveta po delam religii pri SM SSSR v Brianskoi oblasti [Representative of the Council of religious affairs at the Council of Ministers of the USSR in Bryansk region]).

Gosudarstvennyi arkhiv Kaluzhskoi oblastiGosudarstvennyi arkhiv dokumentov noveishei istorii Kaluzhskoi oblasti [Kaluga Region State Archive of the Documents of the Modern History] (GADNIKO).

F. 55 (Kaluzhskii obkom KPSS. [Kaluga Regional Committee of the CPSU]).

F. 6878 (Kaluzhskii sel'skii obkom KPSS [Kaluga Rural Committee of the CPSU]).

Gosudarstvennyi arkhiv Kaluzhskoi oblasti [Kaluga Region State Archive] (GAKO).

F. R-3501 (Upolnomochennyi Soveta po delam religii pri SM SSSR v Kaluzhskoi oblasti [Representative of the Council of Religious Affairs at the Council of Ministers of the USSR in Kaluga region]).

Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Smolenskoi oblasti [Smolensk Region State Archive of the Documents of the Modern History] (GANISO).

F. 6 (Smolenskii obkom KPSS [Smolensk Regional Committee of the CPSU]).

Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti [Oryol region state archive] (GAOO).

F. P-52 (Orlovskii obkom KPSS [Oryol Regional Committee of the CPSU]).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation] (GARF).

F. A-374 (Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie pri SM RSFSR [Central Statistical Agency at the Council of Ministers of the RSFSR]).

F. A-501 (Ministerstvo kul'tury RSFSR [Ministry of Culture of the RSFSR]).

F. A-534 (Komitet po delam kul'turno-prosvetitel'nykh uchrezhdenii pri SM RSFSR [The Committee of the Affairs of Cultural and Educational Institutions at the Council of Ministers of the USSR]).

F. 6991 (Sovet po delam religii pri SM SSSR [Council of Religious Affairs at the Council of Ministers of the USSR]).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI).

F. 17 (Otdel propagandy i agitatsii TsK VKP (b) [Department of Propaganda of the Central Committee of the CPSU (b)]).

F. M-1 (Otdel propagandy i agitatsii TsK VLKSM [Department of Propaganda of the Komsomol Central Committee]).

Tsentr dokumentov noveishei istorii Gosudarstvennogo arkhiva Iaroslavskoi oblasti [The Centre of Documentation of the Modern History of Yaroslavl Region] (TsDNI GAIaO).

F. 272 (Iaroslavskii obkom KPSS [Yaroslavl Regional Committee of the CPSU]).

Tsentr noveishei istorii Tul'skoi oblasti [The Centre of the Modern History of Tula region] (TsNITO).

F. 188 (Tul'skii obkom VLKSM [Tula Regional Committee of the Komsomol Central Committee]).

F. 177 (Tul'skii obkom KPSS [Tula Regional Committee of the CPSU]).

Literature

Anokhina, L. A., Shmeleva, M. N. (1964) *Kul'tura i byt kolkhoznikov Kalininskoi oblasti* [Culture and daily life of collective farmers in Kalinin region]. Moscow: Nauka.

Beglov, A. (2008) V *poiskakh «bezgreshnykh katakomb». Tserkovnoe podpol'e v* SSSR [In search of «sinless catacombs». Church underground in the USSR]. Moscow: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslasnoj Cerkvi, «Arefa».

Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (1996) «Krest'ianstvo i vlast' v Rossii v kontse 1930-kh — 1950-e gody», in V. P. Danilov, L. V. Milov (eds) *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (*XIX–XX *vv.), Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Peasantry and power in Russia in the mid-1930s — 1950s. Mentality and rural development of Russia (19–20 century). Materials of international conference], pp. 155–166. Moscow: ROSSPEN.

Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (1999) «Sotsial'nyi protest kolkhoznogo krest'ianstva (vtoraia polovina 1940-kh — 1960-e gg.) [Social protest of the peasantry (the second half of 1940s — 1960s.], *Otechestvennaja istorija* 3: 81–99.

Chistiakov, P. G. (2005) "Otrazhenie pochitaniia mestnykh sviatyn' v arkhivakh Russkoi Tserkvi (po materialam Tsentral'nogo istoricheskogo arkhiva Moskvy)" [The reflection of veneration of local sacred places in the archives of Russian Church (materials of Moscow Central history archive)], in A. B. Bezborodov (ed.) *Arkhivy Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta* [Archives of Russian Orthodox Church. Works of Historical-Archival University]. Vol. 36, pp. 283–287. Moscow: RGGU.

Chistiakov, P. G. (2006) «Pochitanie mestnykh sviatyn' v sovetskoe vremia: palomnichestvo k istochniku v Kurskoi Korennoi pustyni v 1940-e — 1950-e gg.: [Veneration of local sacred places in the Soviet time: pilgrimage to the spring in Kursk desert in the 1940s — 1950s], *Religiovedenie* 1: 38–49.

Chumachenko, T. A. (1999) *Gosudarstvo, pravoslavnaia tserkov' i veruiushchie. 1941–1961 gg.* [State, Orthodox Church and the believers. 1941–1961]. Moscow, AIRO-XX.

Dimoni, T. M. (2000) «Dukhovnye traditsii krest'ianstva Evropeiskogo Severa Rossii v 1945–1960 gg. (problemy vzaimootnoshenii s vlast'iu)» [Spiritual traditions of the peasantry of European North of Russia in 1945–1960 (the problems of relationship

with the authorities)], in M. A. Beznin (ed.) *Severnaia derevnia v* XX *veke: aktual'nye problemy istorii* [Northern countryside in 20th century: topical problems of history.], pp. 78–94. Vologda: Legiia.

Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia» (2013), 7 (23) [http://history.jes.su/issue. 2013.4.12.7–23, accessed on 24.03.2015].

Geras'kin, Iu. V. (2007). *Russkaia pravoslavnaia tserkov', veruiushchie, vlast' (konets 30-kh — 70-e gody* XX *veka)* [Russian Orthodox Church, Believers and Power (end of the 1930s — 1970s]. Ryazan: Riaz. gos. univ. im. S. A. Esenina [http://www.diss.seluk.ru/monografiya/732 803–1-yuv-geraskin-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-veruyuschie-vlast-konec-30-h-70-e-godi-veka-monografiya-ryazan-2007-bbk-86 372-g37-p. php, 24.03.2015].

Geras'kin, Iu. V. (2007) «K voprosu o podderzhke Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi naseleniem v period 'khrushchevskikh gonenii' (po materialam Riazanskoi oblasti)» [To the question of supporting Russian Orthodox Church by people in the times of «Khrushchov persecutions (on the materials of Ryazan region], *Otechestvennaia istoriia* 4: 95–102.

Gordienko, N. S. (1988) *Osnovy nauchnogo ateizma* [The bases of scientific atheism]. Moscow, Prosveshchenie.

Gordienko, N. S., Kurochkin, P. K. (1980) "Osnovnye osobennosti evoliutsii religii i tserkvi v usloviiakh sotsialisticheskogo obshchestva" [The main features of evolution of religion and church under the circumstances of socialistic society], in P. K. Kurochkin (ed.) *Voprosy nauchnogo ateizma. Ateizm, religiia, tserkov' i istoriia* SSSR [*Atheism, religion, church and history of the* USSR], pp. 223–243. Moscow: Mysl'.

Kometchikov, I. V. (2014) «Sovetskie prazdniki i obriady na sele Tsentral'nogo Nechernozem'ia 1945 — nachala 1960-kh gg.: rasprostranenie i retseptsiia naseleniem» [Soviet holidays and rituals in the village of Central Nechernozemye 1945–1960s: distribution and reception of the population], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* 40 (2): 98–108.

Lebina, N. B. (2014) «Cherno-belaia krasnaia svad'ba» [Black-white red wedding], *Teoriia mody* 32 [http://www.nlobooks.ru/node/4990, accessed on 18.11.2014].

Marchenko, A., prot. (2010) *Religioznaia politika sovetskogo gosudarstva v gody pravleniia N. S. Khrushcheva i ee vliianie na tserkovnuiu zhizn' v* SSSR [Religious policy of Soviet State in the times of Khrushchov and its influence on church life in the USSR]. Moscow: Izd. Krutitsk. monastyria, Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii.

Sinjazhnikov, M. I., Milovidov, B. L. (eds) (1967) *Ocherki istorii Kostromskoi organizatsii* KPSS [Sketches of the history of Kostroma organization of the CPSU]. Yaroslavl, Verkhne-Volzhsk. knizh. izd.

Karcov, V. G. (ed.) (1968) *Opyt istoriko-sociologicheskogo izuchenija sela «Moldino»* [The essay of historical-sociological study of the village of Moldino]. Moscow: Moskovskij rabochij.

Orlovskaia i Sevskaia eparkhiia, Sait Brianskoi eparkhii RPTs MP [Diocese of Oryol and Sevsk, Site Bryansk diocese ROC] [http://www.bryansk-eparhia.ru/eparhialnoe-upravlenie/istoriya-eparhii/sevskaya-eparhiya/orlovskaya-i-sevskaya-eparhiya, accessed on 11.11.2014].

Ostrovskii, V. B. (1967) *Kolkhoznoe krest'ianstvo* SSSR. *Politika partii i ee sotsial'no-ekonomicheskie rezul'taty* [Collective farm peasantry of the USSR. Party policy and its social-economic results]. Saratov: Izd. Saratovsk. un-ta.

Panchenko, A. A. (1998) *Issledovaniia v oblasti narodnogo pravoslaviia. Derevenskie sviatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk orthodoxy. Country sacred places of North-West Russia]. St. Petersburg, Aleteiia.

Perelygin, A. I. (2008) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v Orlovskom krae (1917–1953 gg.)* [Russian Orthodox Church in Orlov region (1917–1953)]. Orel: Izd. tipogr. «Trud».

Agadzhanian, A., Rousselet, K. (eds) (2006) *Religioznye praktiki v sovremennoi Rossii* [Religious practices in contemporary Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Riazanskoe selo Korablino (istoriia, ekonomika, byt, kul'tura, liudi sela) (1957) [Korablino village of Ryazan region. History, economy, daily routine, culture, and population]. Rukovoditel' V. I. Selivanov. Uchenye zapiski Riaz. gos. ped. Universiteta. Vol. XVIII. Ryazan: Kasimovskaia tipogr. Riazan'poligrafizdata.

Rock, S. (2007) *Popular Religion in Russia: Double Belief and the Making of an Academic Myth*. London and N. Y.: Routledge.

Selo Viriatino v proshlom i nastoiashchem: Opyt etnograficheskogo izucheniia russkoi kolkhoznoi derevni (1958) [Viryatino village in past and present: the experience of ethnographical research of a Russian rural village]. Moscow: Izd. AN SSSR.

Sevast'ianova, A. A. (2008) *Sovetskii raitsentr 50-kh-60-kh godov* XX *veka* [Soviet regional center of the 1950s-1960s]. Moscow: Drevlekhranilishche.

Shevtsova, V. F. (2010) *Pravoslavie v Rossii nakanune 1917 g.* [Orthodox Christianity in Russia on the eve of 1917]. St. Petersburg: Dm. Bulanin.

Shlikhta, N. (2014) "'Pravoslavnyi' i 'sovetskii': k voprosu ob identichnosti veruiushchikh sovetskikh grazhdan (1940-e — nachalo 1970-kh gg.) [«Orthodox» and «Soviet»: the identity of Orthodox Soviet citizens (1940s — the beginning of 1970s)*], Antropologicheskii forum 23: 82–107.*

Smolenskaia eparkhiia, Sait Smolenskoi eparkhii RPTs MP [Diocese of Smolensk, Site Smolensk diocese ROC] [http://drevo-info.ru/articles/9619.html, accessed on: 11.11.2014].

Sovetskaia zhizn'. 1945–1953 (2003) Sost. E. Iu. Zubkova, L. P. Kosheleva, G. A. Kuznetsova, A. I. Miniuk, L. A. Rogovaia [Soviet life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.

Spravochnik partiinogo rabotnika (1964) [Hand-book of party worker], ed. V. N. Malin i dr. Vol. 5. Moscow: Gospolitizdat.

Stone, A. B. (2008) "'Overcoming Peasant Backwardness': The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union», *Russian Review 67 (2): 296–320.*

Tul'tseva. L. A. (2001) «Prestol'nyi prazdnik v kartine mira (mirokolitse) pravoslavnogo krest'ianina» [Patronal feast in the worldview of Orthodox peasants], in T. A. Listova (ed.) *Pravoslavnaia zhizn' russkikh krest'ian* XIX–XX *vekov. Itogi etnograficheskikh issledovanii* [Orthodox life of Russian peasants in the 19th-20th centuries. The results of ethnographic research], pp. 124–159. Moscow: Nauka.

Ugrinovich, D. M. (1985) *Vvedenie v religiovedenie* [Introduction to religious studies]. Izd. 2-e, dop. Moscow: Mysl'.

Verbitskaia, O. M. (1992) *Rossiiskoe krest'ianstvo: ot Stalina k Khrushchevu. Seredina 1940-kh — nachalo 1960-kh gg.* [Russian peasantry: from Stalin to Khrushchov. Mid-1940s — the beginning of the 1960s]. ed. I. E. Zelenin. Moscow: Nauka.

Volkov, I. M. (ed.) (1988) «Krest'ianstvo v gody uprochneniia i razvitiia sotsialisticheskogo obshchestva 1945 — konets 1950-kh gg.», in *Istoriia sovetskogo krest'ianstva.* In 5 vol. Vol. 4 [The history of the soviet peasantry. In 5 vol. — Vol. 4. The peasantry in the times of strengthening and development of socialist society 1945–1950s]. Moscow: Nauka.

Wanner, C. (ed.) (2012) *State Secularism and Lived Religion in Soviet Russia and Ukraine*. N.Y.: Oxford University Press.

Zhidkova, E. (2012) «Sovetskaia grazhdanskaia obriadnost' kak al'ternativa obriadnosti religioznoi» [Soviet civic rites as alternative to religious rituals], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 3–4 (30): 408–429.